

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАБЛИС против РОССИИ»

(жалобы №№ 48310/16 и 59663/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

30 апреля 2019 года

*Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном
пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной
правке.*

По делу «Каблис против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Палатой в составе:

Винсент Э. Де Гаетано, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Георгиос А. Сергидес, *судьи*,
и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,
проведя 2 апреля 2019 года заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по двум жалобам (№№ 48310/16 и 59663/17) против Российской Федерации, поданным в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Григорием Николаевичем Каблисом (далее — «заявитель»), 28 июля 2016 года и 30 июля 2017 года, соответственно.

2. Заявитель был представлен адвокатом В. Зубковым, практикующим в г. Сыктывкар, адвокатом А. Лаптевым, практикующим в г. Москве, и правозащитником Е. Мезак из Сыктывкара, которому председатель Европейского Суда разрешил представлять заявителя по жалобе № 48310/16. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался на нарушение его права на свободу выражения мнения и собраний, а также отсутствие эффективных средств правовой защиты в этом отношении.

4. 27 марта и 8 сентября 2017 года Власти были уведомлены о данных жалобах.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1976 года рождения, проживает в г. Сыктывкар.

А. Уведомление о публичном мероприятии и блокирование аккаунта заявителя в социальных сетях и трех сообщений в его интернет-блоге.

6. 19 сентября 2015 года Федеральная служба безопасности (далее - «ФСБ») и Следственный комитет Российской Федерации объявили о возбуждении уголовного судопроизводства по подозрению в участии в преступной группе и мошенничестве против губернатора Республики Коми Гайзера, одного из его заместителей, нескольких высокопоставленных чиновников в правительстве Республики Коми, спикера парламента Республики Коми и представителя Республики Коми в верхней палате российского парламента. В тот же день все они были задержаны.

7. 21 сентября 2015 заявитель, вместе с С., уведомил городскую администрацию Сыктывкара о намерении провести 25 сентября 2015 года, с 17:00 до 18:00 пикетирование на перекрестке улиц Ленина и Коммунистической, за памятником Ленину, где должно было собраться пятьдесят человек. Целью мероприятия было «обсуждение задержания правительства Республики Коми».

8. В тот же день заявитель опубликовал копию его уведомления от 21 сентября 2015 года в его интернет-блоге. Он сказал, что цель «пикетирования» заключалась в том, чтобы позволить гражданам выразить их мнение по поводу задержания членов правительства Республики Коми. Приветствовались любые мнения – от одобрения до критики задержания. Заявитель надеялся, что пикетирование будет одобрено. Однако, если городская администрация предложит провести мероприятие на окраине города, «народный сход», проведение которого не требовало подачи предварительного уведомления, планировалось провести в том же месте (позади памятника Ленину). В дальнейшем заявитель подверг критике тот факт, что региональные губернаторы назначались Президентом, и выразил пожелание, чтобы губернаторов выбирал народ. Он спросил, почему Гайзер был назначен губернатором Республики Коми в 2010 года, если, по утверждению следователей, он являлся членом преступной группировки с 2006 года. Далее он сказал, что обвинения, предъявленные Гайзеру и другим должностным лицам, судя по всему, основывались на очень слабой доказательной базе, что давало основания считать, что уголовное судопроизводство против них являлось политически мотивированным.

По его мнению, Путин пытался заставить других губернаторов повиноваться. В любом случае, назначенные губернаторы всегда служили интересам тех, кто их назначил. В связи с этим он хотел предложить обсудить будущее Республики Коми и, в частности, хотят ли жители, чтобы следующий губернатор был назначен или избран.

9. Позже в тот же день, 21 сентября 2015 года, городская администрация Сыктывкара отказалась утвердить место, выбранное заявителем, подчеркнув, что региональный закон № 91-РЗ от 20 ноября 2012 года [как в оригинале] запрещал проведение публичных мероприятий на Стефановской площади (см. ниже пункт 34). Городская администрация предложила провести пикетирования в одном из специальных мест, отведенных для проведения публичных мероприятий правительством Республики Коми. Заявитель получил это решение на следующий день, 22 сентября 2015 года.

10. 22 сентября 2015 года заявитель опубликовал новую запись в его интернет-блоге, сообщив своим читателям, что городская администрация отказалась утвердить место за памятником Ленина, и приложил копию решения администрации от 21 сентября 2015 года. Он сказал, что вместо пикетирования в том же месте и в то же время будет проведен «народный сход». Он объяснил, что «народный сход» представлял собой собрание людей с целью обсуждения, без каких-либо отдельных организаторов. В отличие от пикетирования, во время «народного схода» нельзя использовать плакаты. Далее заявитель указал, что чиновник, который подписал отказ в разрешении пикетирования, был ответственным за 30% повышение стоимости услуг отопления за предыдущие два года.

11. 23 сентября 2015 года заявитель также опубликовал сообщение в социальной сети «VKontakte»,¹ призывая к участию в публичном обсуждении 25 сентября 2015 года.

12. 24 сентября 2015 года аккаунт заявителя «VKontakte» был заблокирован администратором сети «VKontakte» по приказу Федеральной службы по надзору за коммуникациями, информационными технологиями и средствами массовой информации и заместителя Генерального прокурора Российской Федерации. Заместитель Генерального прокурора установил, что сообщение «VKontakte», описанное выше в пункте 11, которое было доступно широкой общественности, содержало информацию о «пикетировании», которое должно было состояться 25 сентября 2015 года на перекрестке улиц Ленина и Коммунистической. Однако, городская администрация отказала в разрешении на проведении «пикетирования», так как в этом месте было запрещено проводить публичные мероприятия. Поэтому сообщение в интернете было

1. VKontakte - российская социальная сеть наподобие Facebook.

приравнено к кампании за участие в незаконном публичном мероприятии в нарушение раздела 10 параграфа 1 Закона о публичных мероприятиях (краткое изложение положений национального законодательства см. в постановлении Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. (Lashmankin and Others v. Russia)*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункт 249). В связи с этим аккаунт заявителя «VKontakte» подлежал блокированию в соответствии с разделом 15.3 (1) Закона об информации (см. ниже пункт 36).

13. 25 сентября 2015 года заявитель опубликовал третью запись в своем блоге. Он спрашивал, что произойдет, если большое количество людей придет на «народный сход» позже в указанный день. Он не верил, что это заставит Кремль изменить его политику, назначить губернатором Республики Коми ответственное лицо из местных жителей или прекратить необоснованные обвинения Гайзера. Однако, он заявил, что высокая явка на мероприятие покажет, что имеется большое количество людей, которые не боятся высказать свое мнение. ФСБ и Генеральная прокуратура опасаются политически активных людей. Он призвал всех прийти на народный сход, чтобы предотвратить подобные ситуации в будущем.

14. В тот же день администратор интернет-сайта, на котором размещался блог заявителя, проинформировал его по электронной почте, что доступ к трем записям в блоге, описанным выше в пунктах 8, 10 и 13, был ограничен по приказу Генеральной прокуратуры, так как было установлено, что они содержали призывы к участию в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

15. 25 сентября 2015 года примерно в 19:00 около пятидесяти человек собрались возле памятника Ленину. «Народный сход» прошел мирно и без каких-либо беспорядков.

Б. Судебный пересмотр отказа утвердить место проведения «пикетирования»

16. 26 октября 2015 года заявитель оспорил в городском суде Сыктывкара решение городской администрации от 21 сентября 2015 года об отказе утвердить место проведения пикетирования. Он утверждал, в частности, что пикетирование планировалось провести в пятидесяти метрах от Стефановской площади. В любом случае, это мероприятие не привело бы к беспорядкам и не причинило бы неудобств. Места, предложенные городской администрацией, были неподходящими.

17. 18 ноября 2015 года городской суд Сыктывкара отклонил жалобу заявителя. Процитировав статью 11 Конвенции, положения

действующего национального законодательства и решение Конституционного Суда от 2 апреля 2009 года (см. краткое изложение положений национального законодательства в упоминаемом выше постановлении по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 255-59), суд постановил:

«Довод заявителя о том, что мероприятие потеряет свою цель, если будет проведено в местах, предложенных [городской администрацией], является безосновательным.

По сути, законодательство требует, чтобы организаторы приложили обоснованные и достаточные усилия для достижения компромисса с учетом баланса интересов, чтобы воспользоваться правом на свободу собраний. В ситуации, когда нет запрета на проведение публичного мероприятия, а предлагается альтернативное место, организаторы не должны без уважительных причин отклонять условия, предложенные властями для проведения мероприятия.

В Постановлении № 598 от 25 декабря 2012 года правительства Республики Коми были названы [единые специально отведенные места для проведения публичных мероприятий в Сыктывкаре], с целью обеспечить проведение таковых с предусмотренными целями и в доступности общественного транспорта, разрешить организаторам и участникам использовать общественную инфраструктуру, соблюдать санитарные нормы и правила, и гарантировать безопасность организаторов и участников публичных мероприятий.

В решении [городской администрации] от 21 сентября 2015 года указывались эти места, фактически предлагаемые в качестве альтернативных [месту, выбранному заявителем].

Распоряжением [городской администрации] № 9/3483 от 4 сентября 2013 года были внесены изменения [в ее] постановление № 10/4160 от 28 октября 2008 года о местах (участках земли), где запрещено проведение публичных мероприятий. В соответствии с измененным постановлением, запрещается проводить публичные мероприятия в месте, выбранном подателем жалобы – на перекрестке улиц Ленина и Коммунистической.

В таких обстоятельствах предложение муниципальных властей об изменении места публичного мероприятия, запланированного гражданином Каблисом, было обоснованным и законным ...

Суд считает, что отказ утвердить место по причинам, изложенным в решении [городской администрации], был законным и приемлемым ...

Решение [городской администрации] от 21 сентября 2015 года по делу Каблиса было принято в сроки, установленные законом, и содержало доводы, обосновывающие невозможность проведения публичного мероприятия в выбранном заявителем месте, обоснованное предложение о замене места и объяснение порядка уведомления о публичных мероприятиях. Поэтому заявитель был лишен возможности осуществить его конституционное право проводить [публичные мероприятия] в соответствии с порядком, установленным [Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»].

Права и свободы подателя жалобы согласно статьям 10 и 11 Конвенции не были ограничены оспариваемым решением; отсутствовали какие-либо препятствия, мешавшие подателю жалобы осуществлять его конституционные права».

18. Заявитель обжаловала это решение. Он утверждал, в частности, что перекресток улиц Ленина и Коммунистической находился за пределами зоны, где запрещено проведение публичных мероприятий согласно региональному закону № 91-РЗ. Постановление городской администрации № 9/3483, которое, как предполагается, запрещало проведение публичных мероприятий в этом месте, никогда не было опубликовано и потому было недоступным для ознакомления.

19. 28 января 2016 года Верховный суд Республики Коми оставил указанное решение от 18 ноября 2015 года в силе в апелляционном порядке, признав его законным, обоснованным и справедливым. Суд постановил следующее:

«[Районный] суд отклонил жалобу по существу, так как оспариваемый отказ утвердить выбранное место пикетирования был дан компетентным органом в соответствии с порядком, предусмотренным законом. Муниципальный орган предоставил подателю жалобы объективную возможность осуществить его конституционные и конвенционные права.

[Районный] суд правильно применил [Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»], обеспечивая условия для осуществления права на мирное собрание, гарантируемое статьей 31 Конституции ...

Оценив доказательства, имеющиеся в материалах дела, районный суд сделал правильный вывод, что предложение городской администрации об изменении места публичного мероприятия, выбранного организаторами, было обоснованным, аргументированным и оправданным необходимостью соблюдать равновесие интересов сторон и обеспечить общественную безопасность.

Как правильно установил [районный] суд, запрещается проводить публичные мероприятия в месте, выбранном подателем жалобы – на перекрестке улиц Ленина и Коммунистической.

Постановление № 598 от 25 декабря 2012 года правительства Республики Коми определяло [специально отведенные места для проведения публичных мероприятий в Сыктывкаре].

Выбор места мероприятия и его утверждение муниципальными органами не ограничивало права заявителей на свободу убеждений и выражения мнения. Аргумент, что проведение мероприятия было невозможным, являлся гипотетическим, и не относился к каким-либо веским доводам, объясняющим, почему места, предложенные городской администрацией, были несопоставимы с целями публичного мероприятия, запланированного организаторами, и с его общественным и политическим значением.

[Районный] суд правильно постановил в своем решении, что в соответствии с пунктом 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, осуществление прав и свобод одного лица не должно нарушать прав и свобод других лиц. Следовательно, проведение публичного мероприятия некоторыми гражданами не должно создавать ситуацию, когда другие граждане произвольно лишаются

возможности осуществить их права в соответствии с установленным порядком и традициями.

В связи с этим имелись объективные и достаточные основания – объясняющие, почему было невозможно утвердить место публичного мероприятия, выбранное организаторами – для предложения об изменении места, чтобы обеспечить равновесие между правами организаторов и правами третьих лиц.

[Городская администрация] не пренебрегла рассмотрением запроса об утверждении места проведения публичного мероприятия и дала ответ подателю жалобы в установленный законом срок. В ответе излагались доводы, почему было невозможно провести публичное мероприятие в выбранном месте, а также было представлено обоснованное предложение об изменении места. По мнению суда, конституционные права и интересы подателя жалобы были соблюдены и нарушения статьи 11 Конвенции, гарантирующей свободу собрания, или [Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»] не было. Закон не гарантирует организатору публичного мероприятия безусловное право на проведение мероприятия в месте, которое он считает наиболее приемлемым для политического и общественного значения мероприятия.

[Городская администрация] выполнила свое законное обязательство по предложению альтернативного места для проведения публичного мероприятия, которые было сопоставимым с его целями. Предложенные места были подходящей альтернативой месту, выбранному заявителем, и соответствовали целям мероприятия.

На этом основании [районный] суд отказал в удовлетворении данной жалобы.

Доводы, изложенные в апелляционных замечаниях, ограничиваются заявлением, что оспариваемое решение [городской администрации] об отказе утвердить место, выбранное для публичного мероприятия на Стефановской площади, нарушало права заявителя на свободу собрания, выражения, совести и вероисповедания. Эти аргументы основываются на ошибочном толковании положений действующего законодательства и неверной оценке фактов настоящего дела. Поэтому они не гарантируют отмену решения [районного] суда ...

Оспариваемое постановление [городской администрации] соответствовало [Закону о публичных мероприятиях], было вынесено в рамках полномочий муниципальных властей и в интересах обеспечения общественного порядка, с целью предупредить беспорядки, защитить здоровье и нравственные убеждения, и обеспечить охрану прав и свобод других граждан. Поэтому нарушения прав подателя жалобы не было».

20. Заявитель подал кассационную жалобу. Он повторил свои предыдущие аргументы и добавил, что публичные мероприятия регулярно проходили на перекрестке улиц Ленина и Коммунистической.

21. 19 июля 2016 года судья Верховного Суда Республики Коми отказался передать кассационную жалобу заявителя на рассмотрение Президиумом вышеуказанного суда, не установив каких-либо значительных нарушений материального или процессуального

законодательства, повлиявших на результаты судебного разбирательства.

В. Судебный пересмотр решений о блокировании аккаунта заявителя в сети «VKontakte» и трех его записей в его интернет-блоге

22. 25 декабря 2015 года заявитель оспорил в Сыктывкарском городском суде решения прокуратуры блокировать его аккаунт в сети «VKontakte» и три его записи в его интернет-блоге. Он утверждал, что такая блокировка не была «необходимой в демократическом обществе» и нарушала его права на свободу выражения мнения. Заявитель подал иск о компенсации морального вреда.

23. 5 апреля 2016 года Сыктывкарский городской суд отказал в удовлетворении иска заявителя. Процитировав статью 10 Конвенции и раздел 15.3 Закона об информации (см. ниже пункт 36), и отметив, что городская администрация отказалась утвердить проведение пикетирования в месте, выбранном заявителем, суд постановил:

«Несмотря на отсутствие согласования публичного мероприятия, [заявитель] описал подготовку к проведению на его странице в социальной сети, VKontakte, и в своем блоге ..., призывая неограниченный круг лиц к участию в несанкционированном публичном мероприятии ...

В настоящем деле доступ к информации, опубликованной заявителем, был ограничен, так как он нарушил правила распространения информации, в частности, распространяя информацию, содержащую призывы к участию в публичном мероприятии, которое планировалось провести в нарушение установленного порядка.

В таких обстоятельствах ограничение имело основание в законодательстве и преследовало цель предупреждения нарушений в сфере распространения информации. Вопреки утверждению заявителя, его свобода выражения мнения не была ограничена, так как был заблокирован доступ к информации, распространяемой с нарушением законодательства, а не в связи с содержанием заявлений заявителя о целях соответствующего публичного мероприятия (для обсуждения задержания правительства Республики Коми).

Ограничение доступа ко всему аккаунту «VKontakte», а не к отдельному сообщению, имело основание в законодательстве, которое по сути предусматривает ограничение доступа ко всему аккаунту, учитывая характер распространения общественно доступного контента в Интернете в режиме реального времени.

С учетом вышеизложенного, и принимая во внимание, что заявитель может создавать и распространять новые интернет-сообщения, его личные неимущественные права нарушены не были. На этом основании данный иск подлежит отклонению».

24. 7 июля 2016 года Верховный суд Республики Коми оставил постановление без изменения в апелляционном порядке, признав его законным, в достаточной степени обоснованным и оправданным.

25. 14 декабря 2016 года судья Верховного суда Республики Коми отказался передавать кассационную жалобу, поданную заявителем, в Президиум указанного суда. Он постановил, в частности, что призывы к участию в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, были несовместимы с поддержанием общественного порядка. Ограничение доступа к информации, содержащей такие призывы, было обусловлено целью предупредить более серьезные нарушения общественного порядка.

26. 31 января 2017 года постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации было отказано в передаче кассационной жалобы на рассмотрение в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации в связи с тем, что судами не было допущено каких-либо существенных нарушений материального или процессуального права, повлиявших на исход дела.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

A. Порядок уведомления и проведения публичных мероприятий

27. Краткое изложение положений внутригосударственного права о порядке уведомления и проведения публичных мероприятий, о соответствующих процедурах судебного пересмотра и ответственности за нарушения в ходе проведения публичных мероприятий см. в постановлении по делу «Лапманкин и другие против России» (упоминается выше, пункты 216-312).

28. Верховный Суд толковал положения действующего внутригосударственного права следующим образом.

29. В постановлении Пленума Верховного Суда № 28 от 26 июня 2018 года говорится о применении законодательства о публичных мероприятиях при судебном рассмотрении административных жалоб и дел об административных правонарушениях. В нем предусмотрено, что отказ в утверждении публичного мероприятия, места его проведения, времени, или формы его проведения может быть оспорен в суде организатором мероприятия или лицом, уполномоченным организатором выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия (пункт 2). При рассмотрении таких административных дел об оспаривании решений суду следует рассмотреть, было ли вмешательство со стороны органа публичной власти в право на свободу публичных собраний законным, необходимым и соразмерным законной цели. С учетом этого суду в

каждом конкретном случае надлежит исследовать все выдвигаемые органом публичной власти доводы и представленные им доказательства, а также оценивать их на предмет наличия относимых и достаточных оснований для осуществленного вмешательства (пункт 9). Постановление № 28 также предусматривает, что суды должны удостовериться, что предложение об изменении места или времени публичного мероприятия или формы его проведения было представлено в течение установленных законом трех дней. Несоблюдение этого срока означает, что публичное мероприятие должно расцениваться как согласованное (пункт 10).

30. Постановление № 28 также предусматривает, что суды должны учитывать, что предложение об изменении места или времени публичного мероприятия или способа его проведения не может быть произвольным или немотивированным. В предложении должны быть указаны конкретные данные, свидетельствующие об очевидной невозможности проведения этого мероприятия в заявленном месте и в заявленное время в связи с необходимостью защиты публичных интересов. К таким интересам могут быть отнесены: сохранение и восстановление нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной, социальной или транспортной инфраструктуры и связи (например, аварийный ремонт сетей инженерно-технического обеспечения), либо необходимость поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан (как участников публичного мероприятия, так и лиц, которые могут находиться в месте его проведения в определенное для этого время, в том числе ввиду угрозы обрушения зданий и сооружений или превышения нормы предельной заповняемости территории (помещения) в месте проведения публичного мероприятия), либо недопустимость создания помех движению пешеходов и (или) транспортных средств, доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры, либо иные подобные соображения. В то же время, неудобства, вызываемые проведением публичного мероприятия, для граждан, не участвующих в нем, а также предположения органа публичной власти о возможности возникновения указанных неудобств сами по себе не могут являться уважительной причиной для изменения места или времени проведения публичного мероприятия. Например, неудобства, связанные с необходимостью временного изменения маршрутов движения транспорта, помехи движению пешеходов не могут расцениваться в качестве уважительной причины предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия, если условия дорожного движения и поведение всех участников этого движения будут находиться в пределах допустимых норм и не будут способствовать возникновению дорожно-транспортных происшествий.

С другой стороны, помехи движению транспорта или движению пешеходов, угроза нарушения функционирования объектов жизнеобеспечения могут являться уважительной причиной предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия в случае, если проведение такого мероприятия нарушит требования по обеспечению транспортной безопасности и безопасности дорожного движения на объектах транспортной инфраструктуры или будет препятствовать доступу граждан к жилым помещениям и объектам инфраструктуры, независимо от осуществления уполномоченными органами дополнительных мер, направленных на обеспечение соблюдения таких требований. С учетом этого орган публичной власти обязан представить суду доказательства, подтверждающие наличие конкретных обстоятельств, препятствующих проведению публичного мероприятия в заявленном месте или в заявленное время. При этом суд не вправе учитывать любые обстоятельства, не указанные в этом предложении о замене места или времени проведения публичного мероприятия (пункт 12).

31. В постановлении № 28 также указано, что судам следует учитывать, что орган публичной власти обязан предложить конкретное место или время для проведения заявленного публичного мероприятия, обеспечивающие возможность достижения правомерных целей этого мероприятия и соответствующие его социальному и политическому значению. При отказе в согласовании проведения публичного мероприятия по мотиву того, что оно заявлено к проведению в месте, в котором проведение публичного мероприятия запрещается, орган публичной власти вправе предложить альтернативное место проведения публичного мероприятия. Организатор обязан в письменной форме ответить, сообщив о принятии предложения об изменении места/или времени проведения публичного мероприятия не позднее чем за три дня до проведения мероприятия. Организатор также может подать для согласования встречное предложение об ином месте или времени проведения публичного мероприятия. Однако, вопрос о проведении мероприятия в иную дату решается организатором публичного мероприятия путем подачи нового уведомления о проведении публичного мероприятия (пункт 13).

32. В постановлении № 28 также поясняется, что публичные мероприятия, проводимые в помещении, находящемся в частной собственности (в том числе в торговом центре), не освобождают организатора от подачи уведомления о его проведении. В таком случае организатор представляет совместно с уведомлением данные о согласовании проведения публичного мероприятия с лицом, в ведении которого находится это помещение (пункты 8 и 14). Уведомление о проведении публичного мероприятия не требуется при условии, что

количество предполагаемых его участников не превышает установленную законом субъекта предельную численность лиц, участвующих в публичных мероприятиях, уведомление о проведении которых не требуется. Организатор обязан обеспечить безопасность участников публичного мероприятия при его проведении, что предполагает необходимость уточнения этим лицом вопроса о запланированных к проведению в специально отведенном месте в избранное время иных публичных мероприятий, чтобы исключить при их совместном проведении превышения нормы предельной заполняемости данного места. Информирование организатором публичного мероприятия органа публичной власти о намерении провести данное мероприятие учитывается судом при оценке выполнения им обязанности по обеспечению общественного порядка и безопасности граждан при проведении публичного мероприятия. Орган публичной власти вправе предлагать организатору публичного мероприятия изменить место или время публичного мероприятия, которое должно быть проведено в специально определенном месте и уведомление о проведении которого не требуется только если в указанном месте ранее запланировано проведение иного публичного мероприятия и (i) количество участников двух совместных публичных мероприятий превысит предельную заполняемость места их проведения; или (ii) будет невозможно обеспечить их мирный характер силами правопорядка, обычно применяемыми для обеспечения проведения схожих по численности публичных мероприятий или привлеченными для этих целей дополнительно, и потребует принятия чрезвычайных мер со стороны правоохранительных органов (пункт 15). С другой стороны, проведение культурно-массового мероприятия, ярмарки и иного мероприятия, не относящегося по смыслу Закона о публичных мероприятиях к публичному мероприятию, само по себе не может являться законным основанием для предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия, заявленного к проведению в специально отведенном месте. Проведение массового мероприятия может расцениваться как законное основание для предложения об изменении места или времени проведения публичного мероприятия, только если информация о проведении данного массового мероприятия была опубликована в соответствии с требованиями законодательства и при совместном проведении двух мероприятий не может быть обеспечена их безопасность (пункт 16).

33. Наконец, в постановлении № 28 указывается, что при удовлетворении административного искового заявления об оспаривании решения органа публичной власти до даты проведения публичного мероприятия суд может обязать орган публичной власти не препятствовать проведению публичного мероприятия в заявленную

дату и время. В случае если в судебном заседании административный ответчик представит доказательства, что после вынесения оспариваемого решения органа публичной власти возникли иные обстоятельства, объективно препятствующие проведению публичного мероприятия в заявленном месте или в заявленное время, суд может возложить на административного ответчика обязанность в установленный судом срок повторно рассмотреть вопрос о месте, времени и условиях проведения публичного мероприятия (пункт 20).

Б. Законодательство Республики Коми о публичных мероприятиях

34. Статья 5 Закона Республики Коми № 91-РЗ от 29 ноября 2012 года о проведении публичных мероприятий в Республике Коми гласит:

«В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности, в том числе если проведение публичных мероприятий может повлечь нарушение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, создать помехи движению пешеходов и (или) транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры, в дополнение к установленным частью 2 статьи 8 Федерального закона местам местами, в которых проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций в Республике Коми запрещается, являются:

- 1) Стефановская площадь в городе Сыктывкаре;
- 2) железнодорожные вокзалы, автовокзалы, рынки, аэропорты, образовательные организации, здания, в которых располагаются образовательные организации, религиозные здания и сооружения и места в радиусе пятидесяти метров от входа на данные объекты;
- 3) детские площадки, места, определенные органами местного самоуправления для проведения мероприятий и отдыха с участием детей; тротуары, остановки транспорта общего пользования, автостоянки;
- 4) здания (сооружения), которые находятся в аварийном состоянии, и места в радиусе пятидесяти метров от входа на данные объекты;
- 5) объекты, на которых ведется строительство, реконструкция, капитальный ремонт, и места в радиусе пятидесяти метров от входа на данные объекты;
- 6) здания, занимаемые органами государственной власти Республики Коми, государственными органами Республики Коми, органами местного самоуправления в Республике Коми, государственными учреждениями Республики Коми, и места в радиусе пятидесяти метров от входа на данные объекты».

35. В распоряжении городской администрации Сыктывкара № 9/3483 от 4 сентября 2013 года указывался периметр зоны в непосредственной близости к Конституционному Суду Республики Коми, где проведение публичных мероприятий было запрещено.

Периметр включал всю Стефановскую площадь и прилегающие улицы, включая зону перекрестка улиц Ленина и Коммунистической.

В. Закон об информации

36. Статья 15.3 Закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 года об информации, информационных технологиях и о защите информации (далее - «Закон об информации»), действующий в период рассматриваемых событий, предусматривала следующее:

«1. В случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка - включая случай поступления уведомления о распространяемой с нарушением закона информации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций или граждан, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители обращаются в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию.

2. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, на основании обращения, указанного в части 1 настоящей статьи, незамедлительно:

(1) направляет ... операторам связи требование о принятии мер по ограничению доступа к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети "Интернет", или к информации, опубликованной на нем, содержащим призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Данное требование должно содержать доменное имя сайта в сети "Интернет", сетевой адрес, указатели страниц сайта (URL) в сети "Интернет", позволяющие идентифицировать такую информацию;

(2) определяет провайдера хостинга или иное лицо, обеспечивающее размещение в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети "Интернет", или обслуживающее владельца сайта, на котором размещены призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка;

(3) направляет провайдеру хостинга или иному указанному в пункте 2 настоящей части лицу уведомление в электронном виде на русском и английском языках о нарушении порядка распространения информации с указанием доменного имени и сетевого адреса, позволяющих идентифицировать сайт в сети "Интернет", содержащий призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в

массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, а также URL страниц сайта в сети "Интернет", позволяющих идентифицировать такую информацию, и с требованием принять меры по удалению такой информации;

(4) фиксирует дату и время направления уведомления провайдеру хостинга или иному указанному в пункте 2 настоящей части лицу в соответствующей информационной системе.

3. После получения по системе взаимодействия требования федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, о принятии мер по ограничению доступа оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", обязан незамедлительно ограничить доступ к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети "Интернет", на котором размещены призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

4. В течение двадцати четырех часов с момента получения уведомления, указанного в пункте 3 части 2 настоящей статьи, провайдер хостинга или иное указанное в пункте 2 части 2 настоящей статьи лицо обязаны проинформировать об этом обслуживаемого ими владельца информационного ресурса и уведомить его о необходимости незамедлительно удалить информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

5. В случае, если владелец информационного ресурса удалил информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, он направляет уведомление об этом в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. Такое уведомление может быть направлено также в электронном виде.

6. После получения уведомления, указанного в части 5 настоящей статьи, и проверки его достоверности, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, обязан незамедлительно уведомить по системе взаимодействия оператора связи, оказывающего услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", о возобновлении доступа к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети "Интернет".

7. После получения уведомления, указанного в части 6 настоящей статьи, оператор связи незамедлительно возобновляет доступ к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети "Интернет".

Г. Производство по административным делам

37. Кодекс административного судопроизводства (Закон № 21-ФЗ от 8 марта 2015 года), который вступил в силу 15 сентября 2015 года, предусматривает, что административные дела об оспаривании решений, действий (бездействий) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, рассматриваются судом в течение одного месяца, а Верховным Судом Российской Федерации в течение двух месяцев со дня поступления административного искового заявления в суд, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом для определенных категорий дел (часть 1 статьи 226).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

38. В соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда, Европейский Суд принял решение объединить данные жалобы.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

39. Заявитель жаловался на ограничения, наложенные властями относительно места проведения им публичного мероприятия. Он сослался на статьи 10 и 11 Конвенции. Суд рассмотрит настоящее дело с точки зрения статьи 11, истолкованной, когда это уместно, в свете статьи 10 (см. постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), пункты 363-65). Статья 11 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

А. Приемлемость жалобы

40. Суд отмечает, что Власти не подняли вопрос о соблюдении заявителем шестимесячного срока. Ранее он уже устанавливал, что применение этого правила не следует отменять только потому, что власти подали предварительное возражение на его основании (см. постановление Большой Палаты по делу «Блечич против Хорватии» (*Blečić v. Croatia*), жалоба № 59532/00, пункт 68, ECHR 2006-III, и решение Суда по делу «Уолкер против Соединенного Королевства» (*Walker v. the United Kingdom*), жалоба № 34979/97, ECHR 2000-I). В связи с этим Суд считает уместным рассмотреть этот вопрос в настоящем деле.

41. В своем постановлении от 21 октября 2010 года по делу «Алексеев против России» (*Alekseyev v. Russia*) (жалобы №№ 4916/07 и 2 другие жалобы, пункт 99) Суд признал, что российское законодательство, которое действовало в период рассматриваемых событий, не предоставляло профилактического средства правовой защиты, и на этом основании признал нарушение статьи 13. Следовательно, в упоминаемом выше постановлении по делу «Лашманкин и другие против России» (пункты 356-60), касающемся событий в период с 2009 по 2012 годы, Суд признал, что судебное средство защиты согласно бывшей главе 25 Гражданско-процессуального кодекса («ГПК») и Закону о судебном пересмотре, имеющееся в распоряжении заявителей в период рассматриваемых событий – в дополнение к невозможности получить судебное решение, подлежащее принудительному исполнению, в отношении отказа властей утвердить место, время или способ проведения публичного мероприятия до запланированной даты – являлось недостаточным. Любой пересмотр ограничивался рассмотрением законности предложения властей об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия, и не включал оценку его «необходимости в демократическом обществе» или «соразмерности». Такой вывод может толковаться как означающий, что судебное средство защиты согласно бывшей главе 25 ГПК и Закону о судебном пересмотре было неэффективным как в отношении предупреждения заявленного нарушения, так и в отношении предоставления надлежащей компенсации за уже случившееся нарушение.

42. Однако, настоящее дело касается фактов, которые произошли после 15 сентября 2015 года, - даты, когда вступил в силу новый КАС. Учитывая, что КАС внес значительные изменения в действующие процедуры судебного пересмотра, и что эффективность процедуры судебного пересмотра согласно КАС еще не получила оценку, Суд считает, что заявителю было целесообразно попытаться использовать это средство правовой защиты, чтобы дать национальным судам

возможность урегулировать данные вопросы посредством национальной правовой системы, тем самым соблюдая принцип, в соответствии с которым механизм защиты, предусмотренный Конвенцией, является вспомогательным по отношению к национальным системам защиты прав человека (см. аналогичную аргументацию в постановлении Европейского Суда от 7 ноября 2017 года по делу «Зубков и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 29431/05 и 2 других, пункт 106).

43. Суд отмечает, что заявитель подал жалобу о судебном пересмотре отказа городской администрации согласовать место проведения пикетирования после запланированной даты. Таким образом, он не воспользовался возможностью, предоставляемой ему национальным законодательством, предъявить его жалобу на рассмотрение до запланированной даты мероприятия, а именно, использовать процедуру судебного пересмотра согласно КАС в качестве профилактического средства правовой защиты. Он предпочел использовать эту процедуру, чтобы добиться подтверждения и/или, в сочетании с последующим гражданским иском, возмещения за предполагаемое нарушение его права на свободу собрания, которое уже имело место.

44. Соответственно, Суд признает, что, подав свою жалобу в течение шести месяцев после вынесения окончательного постановления по процессу судебного пересмотра, заявитель выполнил правило шести месяцев.

45. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

46. Заявитель утверждал, что Стефановская площадь являлась главной площадью города Сыктывкара, где всегда проводились многие публичные мероприятия. Она была большой и закрытой для проезда транспорта, а потому оптимально подходила для проведения публичных мероприятий. В 2011 году Конституционный Суд Республики Коми переехал на седьмой этаж здания на этой площади; соответственно, городская администрация в целом запретила проводить публичные мероприятия на Стефановской площади (см. выше пункты 34 и 35). Ссылаясь на решение Конституционного Суда от 17 июля 2007 года (краткое изложение положений

внутригосударственного законодательства см. в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 254), заявитель утверждал, что зона вблизи Конституционного Суда Республики Коми подлежала определению на основании земельного кадастра или городского планирования и должна была объективно оправдываться целью обеспечения надлежащего функционирования этого суда. Постановление городской администрации Сыктывкара, определяющее границы зоны вблизи Конституционного Суда Республики Коми (см. выше пункт 35), не отвечало этим критериям, в частности, потому что предусматривало зону общей площадью около 51 800 кв. м, включающих несколько участков и частей земельных участков, зарегистрированных по отдельности в реестре городского планирования. Не было необходимости в такой большой площади, чтобы обеспечить надлежащую работу суда, который занимал несколько офисов на седьмом этаже офисного здания. Не было также необходимости запрещать проведение публичных мероприятий вблизи суда в те периоды, когда там не проводилось никаких сессий, а также по выходным и официальным праздничным дням. Заявитель представил список из двадцати торжественных публичных мероприятий, которые прошли на Стефановской площади в 2016 году, демонстрируя, что такой запрет соблюдался не всегда.

47. Заявитель также утверждал, что выбранное им место находилось скорее рядом со Стефановской площадью, а не на самой площади; таким образом, запрет, устанавливаемый статьей 5 Закона № 91-РЗ Республики Коми (см. выше пункт 34), на которую полагалась городская администрация, был неприменим. В действительности, национальные суды полагались скорее на постановление городской администрации № 9/3483 (см. выше пункт 35), а не на это законодательное положение. Однако, указанное постановление было юридически несовершенным по причинам, изложенным выше в пункте 46. Место, выбранное заявителем, находилось в 160 метрах от зоны вблизи Конституционного Суда Республики Коми, как следовало определить в соответствии с постановлением Конституционного Суда от 17 июля 2007 года. Наконец, специально выделенные места для проведения публичных мероприятий, предложенные городской администрацией в качестве альтернативы месту, выбранному заявителем, находились в отдаленном и труднодоступном районе и потому были неподходящими.

48. Власти утверждали, что вмешательство в права заявителя было законным, преследовало законную цель и было соразмерным такой цели. Положения национального законодательства, регулирующие уведомление и проведение публичных мероприятий, устанавливают справедливый баланс между интересами организаторов и участников

таких мероприятий, с одной стороны, и всех других лиц, с другой стороны – в частности, предусматривая надлежащие меры для предупреждения и наказания за нарушение общественного порядка и общественной безопасности.

49. Власти также утверждали, что в Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» был опубликован список мест, где запрещалось проводить публичные мероприятия (краткое изложение положений национального законодательства см. в вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 223). Такой запрет был оправдан специальным правовым режимом в отношении таких мест и необходимостью обеспечить их безопасность. В частности, ссылаясь на постановление Конституционного Суда от 29 мая 2007 года (краткое изложение положений национального законодательства см. в вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 253), Власти утверждали, что цель запрета на проведение публичных мероприятий вблизи зданий суда заключалась в защите независимости судебных органов и предупреждении оказания давления на судей. Поэтому такое ограничение было оправданным, и не нарушало конституционных прав граждан. Периметр зоны вблизи Конституционного Суда Республики Коми был определен городской администрацией Сыктывкара в постановлении городской администрации № 9/3483 от 4 сентября 2013 года (см. выше пункт 35); место, выбранное заявителем, находилось в границах этого периметра. В связи с этим национальные органы предложили заявителю изменить место его мероприятия на одно из специально отведенных мест для проведения публичных мероприятий. Заявитель не представил доказательств того, что эти места не были подходящими для его целей: они находились в границах города, были доступными и достаточно большими, чтобы вместить большое количество участников. Власти подчеркнули, что публичные мероприятия регулярно проводились в специально отведенных местах в городе Сыктывкаре. Они представили копии девяносто одного уведомления о публичных мероприятиях, полученных от сторонников ведической культуры, а также десяток уведомлений от других ассоциаций, о проведении мероприятий в специально выделенных местах. Заявитель сам проводил там публичное мероприятие в июле 2016 года, после того как городская администрация предложила одно из специально выделенных мест для проведения запланированного им митинга.

2. Оценка Суда

50. Стороны не оспаривали, что предложение изменить место проведения заявителем публичного мероприятия являлось

вмешательством в его право на свободу мирного собрания (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 404-409). Суду остается убедиться, было ли такое вмешательство «предусмотрено законом», преследовало одну или более законных целей согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции, и было ли «необходимым в демократическом обществе» для достижения соответствующей цели или целей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичус и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania* [БП], жалоба № 37553/05, пункт 102, ECHR 2015).

51. Суд отмечает, что национальные власти полагались на два правовых положения, запрещающих проведение публичных мероприятий в месте, выбранном заявителем: в то время как городская администрация полагалась на региональный закон, запрещающий проводить публичные мероприятия на Стефановской площади в Сыктывкаре (см. выше пункты 9 и 34), внутригосударственные суды ссылались на постановление городской администрации, ограничивающее периметр такой зоны в непосредственной близости к зданию Конституционного Суда Республики Коми (см. выше пункты 17 и 35), где проведение публичных мероприятий было запрещено статьей 8 Закона о публичных мероприятиях (краткое изложение положений национального законодательства см. в вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 223-25).

52. Что касается вывода национальных судов о том, что место, выбранное заявителем, находилось в непосредственной близости к Конституционному Суду Республики Коми, Суд уже признал что общий запрет согласно статье 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» проводить публичные мероприятия вблизи судебных зданий несопоставим с пунктом 2 статьи 11, учитывая его абсолютный характер, в сочетании с широкой свободой действий местной исполнительной власти в определении понятия «в непосредственной близости» (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 431-42). Европейский Суд не видит каких-либо оснований для иного вывода в настоящем деле. Отказ утвердить место, выбранное заявителем для проведения публичного мероприятия, посредством упоминания того факта, что его проведение планировалось вблизи Конституционного Суда Республики Коми, не мог, соответственно, рассматриваться как «необходимый в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции.

53. Что касается ссылки городской администрации на региональный закон, запрещающий проводить публичные

мероприятия на Стефановской площади, главной площади Сыктывкара, Суд отмечает, что с 2012 года Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» разрешает региональной законодательной власти назначать иные места - в дополнение к местам, упомянутым в статье 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» - где запрещено проводить публичные мероприятия, если они могут помешать нормальной работе коммунальных служб, транспорта, общественных учреждений или служб связи, или препятствовать проходу пешеходов или проезду транспортных средств или доступу жителей к жилым зданиям, транспорту или социальной инфраструктуре (краткое изложение положений национального законодательства см. в вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 247). Суд уже признавал, что такие доводы, хотя и имеют отношение к предмету рассмотрения, сами по себе не являются достаточными для обоснования предложения об изменении места проведения публичного мероприятия (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 421 и 423). Этот вывод применяется с тем большим основанием к общему запрету на проведение публичных мероприятий в конкретном месте со ссылкой на указанные доводы.

54. В этой связи Суд напоминает, что в соответствии с Конвенцией государство может принимать меры общего характера, применимые к заранее определенным ситуациям, независимо от отдельных обстоятельств каждого дела, даже если это может привести к отдельным сложным случаям (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Энимал Дифендерс Интернэшнл против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. the United Kingdom*) [БП], жалоба № 48876/08, пункт 106, ECHR 2013 (выдержки)). Однако, общий запрет на демонстрации может быть оправдан, только если имеется реальная опасность того, что такие демонстрации приведут к беспорядкам, которые нельзя предотвратить менее строгими мерами. В этой связи власти должны учитывать последствие запрета на демонстрации, которые сами по себе не представляют опасности для общественного порядка. Только если ущерб от такой демонстрации, подпадающей под действие запрета, явно перевешивает соображения безопасности, оправдывающие издание запрета, и если нет возможности избежать таких негативных побочных последствий запрета посредством ограничения его пределов в отношении территориального применения и продолжительности, такой запрет может рассматриваться как необходимый в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции (см. решение Комиссии от 16 июля 1980 года по делу «Христиане против расизма и фашизма против

Соединенного Королевства» (*Christians against Racism and Fascism v. the United Kingdom*), жалоба № 8440/78).

55. Никаких аргументов относительно риска общественных беспорядков или соображений безопасности, обосновывающих общий запрет на проведение публичных мероприятий на Стефановской площади, представлено не было. В действительности, региональный нормативно-правовой акт, устанавливающий этот запрет, просто перефразировал Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» – указывая, что проведение там публичных мероприятий может привести к нарушению работы коммунальных служб, транспорта, общественных учреждений и служб связи, будет мешать пешеходам или общественному транспорту, или препятствовать доступу граждан к жилым зданиям или транспорту и общественным учреждениям. Важно, что ни в самом региональном нормативно-правовом акте, ни в любых иных правовых положениях или судебном толковании не пояснялось, какие из вышеперечисленных обстоятельств имели отношение к Стефановской площади и почему. В любом случае, Суд уже постановил, что такие доводы не были достаточными, чтобы обосновать общий запрет на проведение публичных мероприятий в определенном месте (см. выше пункт 53).

56. Не было также дано объяснения, почему общий запрет являлся более целесообразным средством достижения цели предупреждения серьезного нарушения обычной жизни граждан, чем положение о рассмотрении каждого случая в отдельности, с учетом возможности сведения к минимуму такого нарушения, например, организовав временные объездные маршруты транспорта или принимая аналогичные меры, и в то же время учитывая законные интересы организаторов в проведении собрания в выбранном ими месте. Кроме того, никогда не утверждалось, что общий запрет не может быть уменьшен без риска злоупотребления, значительной неопределенности, дискриминации или произвольного правоприменения. Наконец, общий запрет не ограничен во времени и применяется ко всем публичным мероприятиям, независимо от количества участников и возможности того, что мероприятие может привести к серьезным нарушениям обычной жизни граждан. Поэтому общий запрет, рассматриваемый в данном деле, не ограничивается особым образом, чтобы избежать конкретного риска серьезной дестабилизации, с минимальным нарушением права на свободу собрания. Таким образом, не продемонстрировано, что общий запрет на проведение публичных мероприятий на Стефановской площади являлся предметом строгого парламентского и судебного контроля (в сравнении с упоминаемым выше постановлением Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Энимал Дифендерс Интернэшнл против Соединенного Королевства», пункты 108 и 114-117).

57. Из этого следует, что Власти не привели достаточных и значительных доводов для обоснования общего запрета на проведение публичных мероприятий на Стефановской площади в Сыктывкаре.

58. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что отказ утвердить место публичного мероприятия заявителя, сославшись на общий запрет на проведение публичных мероприятий вблизи судебных зданий или на запрет, установленный региональным законом, на проведение публичных мероприятий на Стефановской площади в Сыктывкаре, без рассмотрения конкретных обстоятельств дела, не мог, соответственно, рассматриваться как «необходимый в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции.

59. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 11 КОНВЕНЦИИ

60. Заявитель подал жалобу в соответствии со статьей 13 в совокупности со статьей 11 Конвенции, что ему не были предоставлены эффективные средства правовой защиты от предполагаемого нарушения права на проведение собрания. Статья 13 Конвенции предусматривает следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в [настоящей] Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Приемлемость жалобы

61. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

62. Заявитель утверждал, что внутригосударственные суды не защитили его право на свободу собрания. Законодательство не требовало от российских судов изучать вопросы «пропорциональности» и «необходимости в гражданском обществе»,

при рассмотрении жалобы на отказ утвердить место публичного мероприятия в ходе судебного пересмотра. Власти не привели примеров успешного судебного пересмотра.

63. Власти утверждали, что заявитель оспорил отказ утвердить место проведения его публичного мероприятия в национальных судах, которые внимательно изучили его жалобу. Он участвовал в слушаниях и подал апелляционную жалобу в вышестоящий суд. Апелляционный суд пересмотрел дело во всем его объеме, не будучи связанным доводами, приведенными в апелляционной жалобе. Заявитель также подал кассационные жалобы. Таким образом, в его распоряжении имелось эффективное средство правовой защиты.

2. Оценка Суда

64. Европейский Суд напоминает, что статья 13 гарантирует наличие средства правовой защиты на национальном уровне в отношении жалоб, которые в значении Конвенции могут считаться «небезосновательными» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» *Hasan and Chaush v. Bulgaria*), жалоба № 30985/96, пункт 96, ECHR 2000-XI). Суд установил нарушение права заявителя на свободу собрания. Следовательно, жалоба согласно статье 11 Конвенции являлась небезосновательной.

65. Суд повторяет, что «эффективность» «средства правовой защиты» в значении статьи 13 не зависит от определенности благоприятного исхода для заявителя. В то же время средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13 Конвенции, должно быть эффективным не только на практике, но и по закону, в смысле воспрепятствования предполагаемому нарушению или сохранению оспариваемого положения дел или предоставления достаточного возмещения за любое нарушение, которое уже произошло (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*) [БП], жалоба № 30210/96, пункты 157 и 158, ECHR 2000 XI, и постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункт 96).

66. Объем обязательств Высоких Договаривающихся Сторон, предусмотренный статьей 13, зависит от характера жалобы заявителя. Что касается жалоб по поводу ограничений свободы собрания, наложенных до даты запланированного собрания – таких как, например, отказ в предварительном разрешении или утверждении, когда они требуются – Суд уже отметил, что понятие эффективного средства правовой защиты подразумевает возможность получения судебного решения, подлежащего принудительному исполнению,

касательно таких ограничений до запланированного времени проведения собрания (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 344-45).

67. В недавнем деле «Лашманкин и другие против России» (упоминается выше, пункты 342-361) Суд признал, что заявители не имели в распоряжении эффективного средства правовой защиты, чтобы оспорить отказы в утверждении места или времени проведения публичного мероприятия или формы проведения такового. Средство правовой защиты в виде судебного пересмотра согласно бывшей статье 25 Гражданско-процессуального кодекса и Закону о судебном надзоре, действовавших в период рассматриваемых событий, имело два недостатка, которые делали его неэффективным в отношении статьи 13. Во-первых, оно не позволяло получить судебное решение, подлежащее принудительному исполнению, в отношении отказа властей утвердить место, время или способ проведения публичного мероприятия до запланированной даты. Во-вторых, область его применения ограничивалась рассмотрением законности предложения об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия, и не включала оценку его «необходимости в демократическом обществе» и «соразмерности».

68. Суд отмечает, что, поскольку появились факты, послужившие причиной подачи жалоб, объединенных в деле «Лашманкин и другие против России», 15 сентября 2015 года вступил в силу новый Кодекс административного судопроизводства (далее - «КАС»), реформирующий действующий порядок судебного пересмотра. Он предусматривает, в частности, что жалобы на решения органов власти в отношении изменений, касающихся целей, места, типа или формы проведения публичного мероприятия, должны рассматриваться районным судом, и, если возможно, также апелляционные жалобы, до запланированной даты мероприятия. Если суд удовлетворяет жалобу, он требует от властей или должностных лиц устранить нарушение прав заявителя – в частности, определяя конкретные меры, которые необходимо принять – и устанавливает сроки. Вынесенное судебное решение подлежит немедленному исполнению (см. краткое изложение положений национального законодательства в вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 289-94 и 297). Суд считает, что указанные изменения в национальном законодательстве устранили первый недостаток, установленный в постановлении по делу «Лашманкин и другие против России», с этого момента позволяя получить судебное решение, подлежащее принудительному исполнению, в отношении отказа властей утвердить место, время или способ проведения публичного мероприятия до запланированной даты такового.

69. Что касается второго недостатка, Суд отмечает, что КАС дублирует по существу правовые положения об объеме судебного пересмотра, которые были изучены и признаны неверными в деле «Лашманкин и другие против России». КАС предусматривает, что законность оспариваемого решения или действия – понимаемая в смысле соблюдения правил компетенции, процедуры и содержания – остается единственным значимым вопросом, рассматриваемым в ходе судебного пересмотра (см. краткое изложение положений национального законодательства в вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 295-96). Следовательно, второй недостаток, установленный в деле «Лашманкин и другие против России», был исправлен КАС. В этой связи можно заметить, что в настоящем деле национальные суды не установили справедливый баланс между частными и общественными интересами, постановив, что заявитель не имел права выбирать место проведения публичного мероприятия и что предложение об изменении места, таким образом, ограничивало его право на свободу собрания. Этот вывод прямо противоречит стандартам, установленным Судом согласно статье 11 (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 405-08).

70. Суд принимает во внимание постановление Верховного Суда от 26 июня 2018 года, в котором дается указание национальным судам, что при рассмотрении жалоб в соответствии с КАС против решений властей об изменении целей, места, типа или способа проведения публичного мероприятия, они должны оценивать, было ли вмешательство со стороны органов власти в право на свободу публичных собраний законным, необходимым и соразмерным законной цели, и в частности, были ли причины такого вмешательства, представленные властями, существенными и достаточными (см. выше пункт 29). Суд с удовлетворением отмечает эти указания, но считает, что они были изданы после событий, рассматриваемых в настоящих делах. Ему придется подождать, когда представится возможность изучить практику российских судов после указанного постановления, чтобы оценить, как на практике выполняются эти указания.

71. Суд заключает, что национальное законодательство, которое действовало в период с 15 сентября 2015 года по 26 июня 2018 года, не предоставляло эффективного средства правовой защиты, так как объем пересмотра единственного доступного средства правовой защиты ограничивался рассмотрением законности предложения об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия, и не включал оценку его «необходимости» и «соразмерности».

72. Соответственно, в связи с этим по настоящему делу было допущено нарушение статьи 13 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

73. Заявитель жаловался, что блокировка его аккаунта в социальной сети и трех его записей в его блоге, призывавших к участию в несанкционированном публичном мероприятии, нарушала его право на свободу выражения мнения. Он ссылаясь на статью 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и обязательства, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Приемлемость жалобы

74. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

75. Заявитель утверждал, что использовал свой аккаунт «VKontakte» и его блог для выражения его мнений по вопросам, представлявшим общественный интерес. В частности, в рассматриваемых записях в блоге и в сообщении в сети «VKontakte» он выразил мнение по поводу задержания правительства Республики Коми и о препятствиях для коллективного обсуждения этого вопроса. Блокировка его сообщений, таким образом, ограничивала его свободу выражения мнения.

76. Заявитель также утверждал, что нельзя было предвидеть применение статьи 15.3 Закона об информации, который послужил правовым основанием для ограничения. В частности, было неясно, что

означала формулировка о публичных мероприятиях, «проводимых в нарушение установленной процедуры». Это положение также не предусматривало достаточных гарантий против злоупотреблений, так как не требовало от национальных органов власти представить подробное обоснование их вывода о том, что публичное мероприятие, к участию в котором призывал заявитель, проводилось в нарушение установленной процедуры. Кроме того, решение о блокировке его сообщений было принято правоохранительными органами без предварительного судебного разрешения. Наконец, внутригосударственное право разрешало блокировать весь аккаунт в социальной сети, даже если только одно опубликованное сообщение было признано незаконным, в то время как технически можно было блокировать отдельное сообщение без блокировки всего аккаунта.

77. Заявитель также жаловался, что вмешательство в его право на свободу выражения не преследовало законной цели и не являлось необходимым в демократическом обществе. Он указал, что национальным органам власти важно было проявить определенную степень толерантности по отношению к незаконным собраниям, носившим мирный характер (он сослался на постановление Европейского Суда от 18 декабря 2007 года по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции» (*Nurettin Aldemir and Others v. Turkey*), жалобы №№ 32124/02 и 6 других жалоб). Следовательно, было также важно проявить такую же степень терпимости к статьям, опубликованным в Интернете о подготовке к таким мирным собраниям. Однако, российские власти продемонстрировали решительное неприятие в его деле. Кроме того, заблокировав доступ к его аккаунту «VKontakte», они заблокировали доступ к прочим материалам, опубликованным в нем, которые не были признаны противозаконными. Судебный пересмотр решения о блокировке носил поверхностный характер: национальные суды не провели тест на «пропорциональность» или «необходимость в демократическом обществе».

78. Власти утверждали, что городская администрация отказалась утверждать публичное мероприятие, запланированное заявителем; поэтому он не имел права проводить его. Несмотря на это, он описывал его приготовления к проведению соответствующего мероприятия и призывал к участию в нем на своей странице «VKontakte» и в его блоге. Призывая участвовать в публичном мероприятии, которое планировалось провести в нарушение установленной процедуры, заявитель нарушил правила распространения информации. Следовательно, блокировка его аккаунта «VKontakte» и записей в его блоге была законной и преследовала цель помешать нарушениям правил распространения информации. Власти подчеркнули, что доступ к вышеуказанным

сообщениям был заблокирован скорее по той причине, что они содержали призывы к участию в несанкционированном публичном мероприятии, а не из-за сообщений заявителя о целях этого публичного мероприятия. Кроме того, как постановили национальные суды, ограничение доступа ко всему аккаунту «VKontakte», а не к отдельному сообщению, также имело юридическую основу в национальном законодательстве и было оправдано распространением доступного контента в Интернете в режиме реального времени. Аккаунт мог быть разблокирован только при условии удаления заявителем противозаконного контента. Он мог также создать новый аккаунт в социальной сети. Таким образом, право заявителя на свободу выражения мнения не было ограничено оспариваемыми мерами.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

79. Суд последовательно постановлял, что свобода выражения мнения является одним из основополагающих принципов демократического общества и одним из главных условий его развития и самосовершенствования его граждан. Согласно пункту 2 статьи 10, она применяется не только к «информации» или «идеям», признанным правильными, безобидными или нейтральными, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых не существует «демократического общества» (см. постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 года по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. the United Kingdom*), пункт 49, Серия А № 24; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (*Von Hannover v. Germany (no. 2)* [БП], жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, пункт 101, ECHR 2012; и постановление Большой Палаты по делу «Бедат против Швейцарии» (*Bédat v. Switzerland*) [БП], жалоба № 56925/08, пункт 48, ECHR 2016).

80. Суд также повторяет, что статья 10 гарантирует свободу выражения мнения «каждому». В ней не делается различий в зависимости от характера преследуемой цели или роли физических или юридических лиц в осуществлении этой свободы (см. постановление Европейского Суда по делу «Четин и другие против Турции» (*Turkey*), жалобы №№ 40153/98 и 40160/98, пункт 57, ECHR 2003-III (выдержки). Это применяется не только к содержанию информации, а также к средствам распространения, так как любой налагаемый запрет обязательно вмешивается в право на получение и передачу информации (см. постановление Европейского Суда по делу

«Ахмет Йилдырым против Турции» (*Ahmet Yildirim v. Turkey*), жалоба № 3111/10, пункт 50, ECHR 2012).

81. Что касается значения Интернета в осуществлении свободы выражения мнения, Суд повторяет, что благодаря своей доступности, а также способности сохранять и передавать огромные объемы информации, Интернет играет важную роль в расширении доступа граждан к новостям и содействии распространению информации (см. постановление по делу «Таймс Ньюспейперс Лимитед (№1 и №2) против Соединенного Королевства» (*Times Newspapers Ltd v. the United Kingdom (nos. 1 and 2)*, жалобы № 3002/03 и 23676/03, пункт 27, ECHR 2009). Деятельность в сфере самовыражения, осуществляемая пользователями в сети "Интернет", служит уникальной платформой для реализации ими права на свободу выражения мнения (см. постановление Большой Палаты по делу «Дельфи АС против Эстонии» (*Delfi AS v. Estonia*) [БП], жалоба № 64569/09, пункт 110, ECHR 2015).

82. Как указано в статье 10, свобода выражения мнения допускает ряд исключений, которые, однако, должны строго регламентироваться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена. Прилагательное «необходимый», по смыслу пункта 2 статьи 10, предполагает существование «насущной социальной необходимости». Договаривающиеся государства обладают определенной свободой действий по своему усмотрению при оценке наличия подобной необходимости, однако эта свобода сопровождается надзором на европейском уровне и охватывает законодательство и решения, принятые на его основе, в том числе независимыми судами. Таким образом, Европейский Суд имеет полномочия выносить окончательные решения о совместимости «ограничения» со свободой выражения мнений, в том виде, как она защищается статьей 10 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 8 ноября 2016 года по делу «Венгерский хельсинкский комитет против Венгрии» (*Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary*) [БП], жалоба № 18030/11, пункт 187).

83. Задача Суда при осуществлении контрольной функции состоит не в том, чтобы занять место компетентных внутригосударственных органов власти, а в том, чтобы осуществлять пересмотр в соответствии со статьей 10 решений, вынесенных ими, в соответствии с собственными полномочиями оценки. Это не означает, что контроль ограничен в установлении того, действовало ли государство-ответчик по своему усмотрению здраво, осмотрительно и добросовестно; перед Судом стоит задача оценить обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить было ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», а также являются ли причины, представленные национальными властями для обоснования этого, «достаточными и существенными». Поступая таким образом, Суд должен убедиться

также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см. постановление Большой Палаты по делу «Швейцарское движение разлитов против Швейцарии» (*Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*) [БП], жалоба № 16354/06, пункт 48, ECHR 2012 (выдержки); постановление Большой Палаты по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*) [БП], жалоба № 29369/10, пункт 124, ECHR 2015; и постановление Большой Палаты по делу «Меджлис исламске Заеднице Брчко и другие против Боснии и Герцеговины» (*Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others v. Bosnia and Herzegovina*) [БП], жалоба № 17224/11, пункт 75, ECHR 2017).

(6) Применение к настоящему делу

84. Суд считает, что блокировка заместителем Генерального прокурора аккаунта заявителя в социальной сети и трех записей в его блоге на основании того, что они содержали призывы к участию в публичном мероприятии, место проведения которого не было утверждено городской администрацией, представляла собой «вмешательство со стороны публичных властей» в право заявителя на свободу выражения, неотъемлемой частью которого является свобода получения и передачи информации (ср. с упоминаемым выше постановлением Европейского Суда по делу «Ахмет Йилдырым против Турции», пункт 55). В этом выводе не упоминается о том, что заявитель мог создать новый аккаунт в социальной сети или опубликовать новые записи в его блоге.

85. Такое вмешательство представляет собой нарушение пункта 2 статьи 10, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения таких целей. Суд полагает, что в настоящем деле вопросы соблюдения закона и существования законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» (аналогичную аргументацию см. в постановлении Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России» (*Nemtsov v. Russia*), жалоба № 1774/11, пункт 75). Поэтому Суд рассмотрит эти вопросы ниже.

86. С самого начала Суд отмечает, что оспариваемая мера имела основу в статье 15.3 Закона об информации (см. выше пункт 36), который позволял Генеральному прокурору или его заместителям распоряжаться о блокировке веб-сайта или веб-страницы, содержащих призывы, помимо прочего, к участию в публичных мероприятиях, проводимых в нарушение установленной процедуры.

87. По утверждению национальных судов, цель блокировки заключалась в предотвращении нарушений закона в сфере распространения информации (см. выше пункт 23), а также нарушений общественного порядка (см. выше пункт 25). Что касается второй цели, Суд повторяет, что исключения из права на свободу объединений должны толковаться узко, их перечень должен быть исчерпывающим, а определение непременно ограничительным (см. постановление Европейского Суда от 10 июля 1998 года по делу «Сидиропулос и другие против Греции» (*Sidiropoulos and Others v. Greece*), пункты 38 и 39, *Отчеты постановлений и решений* 1998-IV, и постановление Европейского Суда от 14 июня 2007 года по делу «Свято-Михайловский приход против Украины» (*Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine*), жалоба № 77703/01, пункт 132). Он отмечает, что, в отличие от некоторых других статей Конвенции, ни статья 10, ни статья 11 не допускают ограничений, направленных на поддержание, или защиту, общественного порядка (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*) [БП], жалоба № 27510/08, пункты 146-51, ECHR 2015 (выдержки)). В действительности, Власти не полагались на эту цель.

88. Что касается довода Властей о том, что целью этой меры было предупреждение нарушений закона в сфере распространения информации, они не пояснили, какой из законных целей, перечисленных во втором пункте статьи 10, соответствовала такая мера. В частности, никогда не заявлялось, что публичное мероприятие, рекламируемое заявителем в его блоге и аккаунте социальной сети, представляло опасность для общественной безопасности или могло привести к общественным беспорядкам или преступлению. Таким образом, цели защиты общественной безопасности и предупреждения беспорядка или преступления, совершенно очевидно, не имеют отношения к настоящему делу. Цель предупреждения раскрытия информации, полученной на основе конфиденциальности, также не имеет отношения к делу. Представляется, что единственной целью блокировки было исполнение правил, регулирующих публичные мероприятия и, в частности, распространение информации о них. Суд уже признавал, что исполнение правил, регулирующих проведение публичных мероприятий, не может являться самоцелью (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункт 118, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 449). Никаких других целей в настоящем деле не было названо ни Властями, ни национальными судами.

89. Суд, однако, принимает во внимание пояснение Конституционного Суда, что целью правил, регулирующих публичные мероприятия, и, в частности, порядок уведомления и согласования, является предоставление возможности властям принять все необходимые меры для обеспечения безопасности как участников публичного мероприятия, так и других лиц (см. краткое изложение определения Конституционного Суда в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 273). В свою очередь, запрет на проведение кампании за участие до согласования публичного мероприятия с компетентными органами направлено на то, чтобы граждане не были введены в заблуждение призывами на участие в публичном мероприятии, место и время проведения которого еще окончательно не определены (см. краткое изложение определения Конституционного Суда в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 267). Учитывая, что и порядок уведомления о публичных мероприятиях, и запрет на проведение кампании за участие до того, как процедура успешно завершена, очевидно направлены на защиту прав других лиц, Суд допускает, что блокирование публикаций, призывающих к участию в публичном мероприятии в нарушение таких процедур и правил, также преследует законную цель защиты прав других людей.

90. Суд также отмечает, что в настоящем деле мера по блокированию аккаунта была применена до вынесения судебного решения о незаконности опубликованного контента. Поэтому она приравнивается к предварительному запрету (см. аналогичную аргументацию в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Ахмет Йилдырым против Турции», пункт 46).

91. В этой связи Суд повторяет, что статья 10 не запрещает налагать предварительные запреты на подобные публикации. Однако, опасности, сопряженные с предварительными ограничениями, таковы, что требуют наиболее пристального изучения со стороны Суда и обоснованы только в исключительных обстоятельствах (см. постановление Европейского Суда по делу «Ассоциация «Экин» против Франции» (*Association Ekin v. France*), жалоба № 39288/98, пункт 56, ECHR 2001-VIII; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазарэ против Румынии» (*Cumprăna and Mazăre v. Romania*) [БП], жалоба № 33348/96, пункт 118, ECHR 2004-XI; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Объединение «Ферайн геген Тьерфабрикен» против Швейцарии (№ 2)» (*Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT) v. Switzerland*) (no. 2), жалоба № 32772/02, пункт 93, ECHR 2009). Это в особенности касается прессы, поскольку новость является «скоропортящимся продуктом» и задержка в публикации, даже на

короткий срок, может лишить ее ценности и интереса. Эта опасность также касается публикаций, за исключением периодических изданий, в которых рассматриваются актуальные вопросы (см. *дело «Ассоциация «Экин» против Франции»*, из того же источника, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмет Йилдырым против Турции», пункт 47).

92. В делах, касающихся предварительного запрета, правовая база требует обеспечения жесткого контроля над объемом запретов и эффективного судебного пересмотра с целью предотвращения превышения полномочий. В этом отношении, судебный пересмотр такой меры, на основе оценки конкурирующих интересов, поставленных на карту, и предназначенной для установления баланса между ними, является невозможным без правовой базы, содержащей точные и конкретные правила применения предварительных ограничений свободы выражения (см., помимо прочего, упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмет Йилдырым против Турции», пункт 64, с дальнейшими ссылками).

93. В этой связи Суд отмечает довод заявителя, что термин «публичные мероприятия, проводимые в нарушение установленной процедуры» в статье 15.3 Закона об информации является слишком широким и расплывчатым. Следует отметить, что при отсутствии какого-либо официального толкования данного термина Верховным или Конституционным Судом, и учитывая, что Власти не представили примеров ограничительного толкования и применения этого термина в административной и судебной практике, представляется, что любое нарушение порядка проведения публичных мероприятий, независимо от того, насколько незначительным или безобидным оно является, может служить основанием для решения Генерального прокурора о блокировании доступа к интернет-сообщениям, содержащим призывы к участию в таком мероприятии. В силу этого доступ к таким сообщениям может быть заблокирован прокурором, как в настоящем деле, по той единственной причине, что в них содержатся призывы к участию в публичном мероприятии, которое не утверждено властями, без необходимости установления риска возникновения беспорядков или нарушения прав других лиц.

94. Суд далее отмечает, что Генеральный прокурор и его заместители могут дать распоряжение о блокировке всего веб-сайта или веб-страницы – например, всего аккаунта в социальной сети, как в настоящем деле – на том основании, что он содержит определенный незаконный материал. Статья 15.3 Закона об информации не требует от них рассматривать, необходимо ли блокировать полностью весь веб-сайт или веб-страницу, или только отдельный раздел, содержащий определенную опубликованную информацию, учитывая критерии, установленные и применяемые Судом согласно статье 10 Конвенции.

Однако, такое обязательство прямо вытекает из Конвенции и практики ее институтов. В частности, статья 10 требует от властей принимать во внимание, помимо иных аспектов, тот факт, что такая мера, делая недоступными большие объемы информации, должна значительно ограничить права Интернет-пользователей и оказывает существенное побочное воздействие на материал, который не признан противоправным (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмет Йилдырым против Турции», пункт 66, и постановление Европейского Суда по делу «Дженгиз и другие против Турции» (*Cengiz and Others v. Turkey*), жалобы №№ 48226/10 и 14027/11, пункт 64, ECHR 2015 (выдержки)). Нет никакого доказательства в решениях национальных судов по настоящему делу, что эти факторы были приняты во внимание, когда весь аккаунт заявителя «VKontakte» был блокирован на том основании, что он содержал одну публикацию с незаконной информацией.

95. Отсюда следует, что действующая правовая основа предоставляет Генеральному прокурору и его заместителям очень широкие полномочия по применению предварительного запрета в отношении интернет-сообщений, содержащих призывы к участию в публичных мероприятиях, как касательно оснований для приказа о блокировке, так и касательно объема данной меры.

96. Суд отмечает, что осуществление Генеральным прокурором полномочий на блокировку интернет-сообщений, содержащих призывы к публичным мероприятиям, должно подлежать судебному пересмотру. Однако, широта свободы усмотрения исполнительных органов такова, что, возможно, будет трудно, если не невозможно, оспорить меру блокировки путем судебного пересмотра (см., аналогичную аргументацию, в постановлении Европейского Суда по делу «Гиллан и Кинтон против Соединенного Королевства» (*Gillan and Quinton v. the United Kingdom*), жалоба № 4158/05, пункты 80 и 86, ECHR 2010 (выдержки); упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 428; и постановление Европейского Суда от 13 февраля 2018 года по делу «Иващенко против России» (*Ivashchenko v. Russia*), жалоба № 61064/10, пункты 88, 13). Кроме того, в результате срока в один месяц, предоставляемого на рассмотрение жалоб в отношении судебного пересмотра (см. выше пункт 37) – в совокупности с запретом законодательства на проведении кампании за участие в публичном мероприятии до того, как такое мероприятие утверждено региональными или муниципальными властями (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 249), и сжатыми сроками процедуры уведомления и утверждения (там же, пункт 348) – отсутствует гарантия того, что жалоба на блокировку будет урегулирована до

запланированной даты мероприятия. Суд считает, что в делах, касающихся предварительного запрета на публикации, призывающие к участию в публичном мероприятии, должна иметься возможность добиться судебного пересмотра меры блокировки до даты соответствующего публичного мероприятия. Следует отметить, что информация, содержащаяся в сообщении, лишается какой-либо ценности и интереса после этой даты, и потому отмена блокировки по судебному пересмотру на этом этапе будет бессмысленной (см. выше пункт 91, а также, с соответствующими изменениями, постановление Европейского Суда от 3 мая 2007 года по делу «Бочковский и другие против Польши» (*Bączkowski and Others v. Poland*), жалоба № 1543/06, пункты 81 и 82).

97. Из вышеизложенного следует, что процедура блокировки, предусмотренная статьей 15.3 Закона об информации, не содержит необходимых гарантий против злоупотребления, требуемых практикой Суда в отношении мер предварительного ограничения (см. выше пункт 92), в частности, жесткого контроля за объемом запрета и эффективного судебного пересмотра с целью предупредить злоупотребление полномочиями.

98. Возвращаясь к содержанию рассматриваемых интернет-сообщений, Суд отмечает, что только в двух из четырех сообщений содержались призывы к участию в публичном мероприятии, запланированном заявителем. Суд не усматривает таких призывов в первом и втором сообщениях. Национальные органы власти не пояснили, почему эти сообщения попали под меру блокировки, вместе с другими интернет-сообщениями, содержащими такие призывы.

99. В первой записи в его блоге заявитель прокомментировал недавнее задержание членов регионального правительства, подверг критике назначение региональных губернаторов Президентом и выразил желание, чтобы губернаторов выбирал народ. Он также сообщил своим читателям, что направил уведомление о пикетировании, во время которого будет проходить обсуждение данных вопросов (см. выше пункт 8). Проблемы, поднятые в этой записи, имели первостепенное значение для жителей области. Они вызвали большой общественный интерес, и комментарии заявителя являлись частью продолжающейся политической дискуссии.

100. Во второй записи в своем блоге заявитель сообщил своим читателям, что местные власти отказали в утверждении места проведения пикетирования, запланированного им, и что вместо этого в том же месте и в то же время будет проведен «народный сход» (см. выше пункт 10). Суд считает, что, информируя потенциальных участников о том, что публичное мероприятие не было утверждено в надлежащем порядке, заявитель распространял информацию, представляющую общественный интерес.

101. В этой связи Суд повторяет, что, согласно его практике, высказывания по вопросам, представляющим общественный интерес, имеют право на сильную защиту (см. упоминаемое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 230). Следовательно, есть немного возможностей согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции для ограничения политических высказываний или дискуссий по вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сурек против Турции (№ 1)» (*Sürek v. Turkey (no. 1)*) [БП], жалоба № 26682/95, пункт 61, ECHR 1999-IV), и требуются очень убедительные основания для оправдания таких ограничений (см. постановление Европейского Суда по делу «Фелдек против Словакии» (*Feldek v. Slovakia*), жалоба № 29032/95, пункт 83, ECHR 2001-VIII; и постановление Европейского Суда от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России» (*Sergey Kuznetsov v. Russia*), жалоба № 10877/04, пункт 47, с дальнейшими ссылками). Национальные органы власти не представили каких-либо оснований для блокировки доступа к двум из вышеупомянутых сообщений и не объяснили, почему на них была распространена мера блокировки, хотя эти сообщения и не содержали призывов к участию в публичном мероприятии, проводимом с нарушением установленной процедуры.

102. Что касается третьей записи в блоге и сообщения в социальной сети, они содержали прямые призывы к участию в публичном мероприятии, в утверждении которого ранее местные власти отказали (см. выше пункты 11 и 13). В этой связи Суд также напоминает о важности того, чтобы органы государственной власти проявляли определенную степень толерантности по отношению к мирным незаконным собраниям (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», пункт 150, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*) [БП], жалобы №№ *Russia*), жалобы №№ 29580/12 и 4 другие жалобы, пункт 143).

103. Суд повторяет, что, как правило, недостаточно, чтобы вмешательство осуществлялось потому, что его предмет входит в определенную категорию или на него распространяется правовая норма, сформулированная в общих выражениях. Скорее требуется, чтобы это вмешательство было необходимым в конкретных обстоятельствах (см. упоминаемое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 275, и постановление Европейского Суда от 26 апреля 1979 года по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства (№ 1)» (*The Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1)*, пункт 65 *in fine*, Серия А №

30). Следовательно, отсутствие предварительной санкции и последующая «незаконность» деяния не дает властям свободы действия; они по-прежнему ограничены требованием соразмерности статьи 11 (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», пункт 151). Следовательно, тот факт, что заявитель нарушил установленный законом запрет на «проведение кампании» за участие в публичном мероприятии, которое не было согласовано в надлежащем порядке, не является достаточным для того, чтобы оправдать вмешательство в его свободу выражения мнения. Суд должен рассмотреть, было ли необходимым в демократическом обществе, учитывая факты и обстоятельства данного дела, блокировать соответствующие публикации.

104. Суд отмечает, во-первых, что целью публичного мероприятия было выражение мнения по актуальной проблеме, представляющей общественный интерес, а именно, относительно недавнего ареста должностных лиц регионального правительства (см. выше пункт 6). Во-вторых, в утверждении публичного мероприятия было отказано на формальных основаниях – ввиду общего запрета на проведение публичных мероприятий в месте, выбранном заявителем, что Суд признал противоречащим Конвенции (см. выше пункт 59) – а не потому, что рассматриваемое мероприятие представляло риск возникновения беспорядков или совершения преступления или опасность для общественного порядка или прав других лиц. В-третьих, оспариваемые сообщения в Интернете не содержали никаких призывов к насильственным, хулиганским или иного рода противоправным деяниям во время публичного мероприятия. В-четвертых, ожидалось, что в мероприятии примут участие около пятидесяти человек (см. выше пункт 7) и, как утверждал заявитель и это не было оспорено Властями, выбранное место было закрыто для проезда транспорта (см. выше пункт 46). С учетом места проведения мероприятия, небольших его масштабов и его мирного характера, не было никаких оснований считать, что властям будет необходимо вмешаться с целью гарантировать спокойное проведение мероприятия и безопасность участников и прохожих, например, посредством изменения маршрутов общественного транспорта. Наконец, как отмечалось выше, заявитель прямо и четко заявил в своем блоге, что данное публичное мероприятие не было утверждено в надлежащем порядке. Поэтому он не пытался ввести в заблуждение потенциальных участников, уверяя их в том, что они будут участвовать в разрешенном мероприятии.

105. Как представляется, нарушение порядка проведения публичного мероприятия в настоящем деле было незначительным и не создавало реального риска возникновения общественных беспорядков или совершения преступления. Оно также не могло отрицательно

повлиять на общественную безопасность или затронуть права других лиц. В таких обстоятельствах Суд не убежден, что имелась «насушная социальная потребность» применить меры предварительного ограничения и блокировать доступ к оспариваемым Интернет-сообщениям, призывающим к участию в этом мероприятии, и тем самым, препятствовать выражению мнения по важному вопросу, представляющему общественный интерес.

106. С учетом вышеизложенных соображений и установившейся практики по данному вопросу, Суд считает, что в национальном законодательстве отсутствуют необходимые гарантии против злоупотребления, требуемые практикой Суда в отношении мер предварительного запрета. Суд также считает, что внутригосударственные суды не применили стандарты, которые соответствовали бы принципам, предусмотренным статьей 10, и не привели «значительных и достаточных» оснований для вмешательства в право заявителя на свободу выражения.

107. Следовательно, было допущено нарушение статьи 10 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

108. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

109. Заявитель требовал 16 000 евро (EUR) в качестве компенсации морального вреда.

110. Власти утверждали, что заявитель не предоставил никаких документов в поддержку своего требования. В любом случае, данное требование было чрезмерным.

111. Суд присуждает заявителю 12 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

Б. Расходы и издержки

112. Основываясь на соглашении об издержках на оказание юридической помощи, заявитель также требовал 2 500 евро в качестве компенсации судебных издержек за разбирательство дела в Европейском Суде.

113. Власти утверждали, что отсутствовало доказательство того, что такие расходы действительно были понесены.

114. В соответствии с практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить заявителю сумму в размере 2 500 евро на покрытие всех заявленных расходов.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

115. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* объединить данные жалобы в одно производство;
2. *признал* жалобы приемлемыми;
3. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
4. *постановил*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 11;
5. *постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
6. *постановил*:
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 12 500 евро (двенадцать тысяч пятьсот евро) плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения морального вреда;

(ii) 2 500 евро (две тысячи пятьсот евро), плюс любой налог, обязанность по уплате которого может быть возложена на заявителя в связи с этой суммой, в качестве компенсации расходов и издержек;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

7. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 30 апреля 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Винсент Э. Де Гаетано
Председатель